

Глава шестая. Кубань советская: от рассказывания к «чёрным доскам»

Написал: «погрузиться», и задумался. Погрузиться – врагу не пожелаю. Но хотя бы приблизиться к той обстановке, той среде, в которую попадали переселенцы 30-х годов (как увидим далее, эта переселенческая волна была далеко не первой), а значит, и к истокам тех трагических событий, которые предшествовали их переезду. Сделать это можно только с помощью людей, которые сами все это пережили, либо впитали эти горестные знания из источника, который зовется преемственностью поколений.

В 80-ти километрах от Старощербиновской, если ехать на юг, в сторону Краснодара, в соседнем Каневском районе есть станица Новодеревянковская, родина Г.В. Кокунько. Ныне, в году 2015-м, Георгий Валентинович живет в Москве, работает руководителем проектов в фонде «Вольное дело». Этот фонд – одна из крупнейших благотворительных организаций России – основан предпринимателем Олегом Владимировичем Дерипаской, чьи родители – уроженцы Кубани. В годы детства и юности он жил в Усть-Лабинском районе, там же закончил среднюю школу.

История Кубани – первенствующее дело жизни Г.В. Кокунько. Не случайно он является главным редактором журнала «Станица», редактором альманаха «Кубанский сборник» и сайта «Историко-культурное наследие Кубани».

Рассказывание Из очерка Георгия Кокунько

Репрессии, обобщенно и емко называемые «рассказывание», задуманы были революционерами задолго до 1917 года. И вовсе не в мифическом подавлении «народных выступлений» дело (казаков советские историки обычно «путали» с конной жандармерией). Консерватизм взглядов, зажиточность, свободолобие, любовь к родной земле, грамотность казаков неизбежно делали их врагом большевиков.

В России до 1917-го года довольно компактно жило более 6 млн. казаков. Идеологи «мировой революции» объявили их «опорой самодержавия», «контрреволюционным сословием». Как писал Ленину один из таких «теоре-

тиков», И. Рейнгольд: «Казаков, по крайней мере, огромную их часть, надо рано или поздно истребить, просто уничтожить физически, но тут нужен огромный такт, величайшая осторожность и заигрывание с казачеством: ни на минуту нельзя забывать, что мы имеем дело с воинственным народом, у которого каждая станица – вооруженный лагерь, каждый хутор – крепость».

Первые карательные акции были организованы большевиками сразу после октябрьского переворота – силами «интернационалистов» (особенно латышей, мадьяр, китайцев), «революционных матросов», горцев Кавказа, иногороднего (т. е. не казачьего) населения казачьих областей. А уж затем это насилие вызвало участие казаков (до того пытавшихся соблюдать подобие нейтралитета в общероссийской сваре) в Белом движении.

Террор достиг первого пика еще в ходе Гражданской войны – оформившись известной директивой Оргбюро ЦК ВКП(б) 24 января 1919 г. Речь шла о репрессиях против всего казачества! Этот подписанный Свердловым документ настолько важен в «юридическом» оформлении политики советской власти в отношении казачества, что стоит привести здесь его полный текст:

«Циркулярно, секретно.

Последние события на различных фронтах в казачьих районах – наши продвижения вглубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск – заставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы при воссоздании и укреплении Советской власти в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо:

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставить сыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.

3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселение, где это возможно.

4. Уравнять приехавших «иногородних» к казакам в земельном и во всех других отношениях.

5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

6. Выдавать оружие только надежным элементам из иногородних.

7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.

8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания.

ЦК постановляет провести через соответствующие советские учреждения обязательство Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли.

Центральный Комитет РКП(б)».

Помимо массовых расстрелов, были организованы продотряды, отнимающие продукты; станицы переименовывались в села, само название «казак» оказалось под запретом...

Директива Свердлова дополнялась и развивалась разного рода постановлениями. Так, «Проект административно-территориального раздела Уральской области» от 4 марта 1919 г. предписывал «поставить в порядок дня политику репрессий по отношению к казачеству, политику экономического и как подобного ему красного террора... С казачеством, как с обособленной группой населения, нужно покончить».

3 февраля 1919 г. появился секретный приказ председателя РВС Республики Троцкого, 5 февраля – приказ № 171 РВС Южного фронта «О расказачивании».

Тогда же директива Донбюро ВКП(б) прямо предписывала – а) физическое истребление по крайней мере 100 тысяч казаков, способных носить оружие, т. е. от 18 до 50 лет; б) физическое уничтожение так называемых «верхов» станицы (атаманов, судей, учителей, священников), хотя бы и не принимающих участия в контрреволюционных действиях; в) выселение значительной части казачьих семей за пределы Донской области; г) переселение крестьян из малоземельных северных губерний на место ликвидированных станиц...

Сам председатель Донбюро С. Сырцов, говоря о «расправе с казачеством», его «ликвидации», отмечал: «станицы обезлюдели». В некоторых было уничтожено до 80% жителей. Только на Дону погибло от 800 тысяч до миллиона человек – около 35% населения.

Еще свидетельство – посланного на Дон московского коммуниста М. Нестерова: «Партийное бюро возглавлял человек... который действовал по какой-то инструкции из центра и понимал ее как полное уничтожение казачества... Расстреливались безграмотные старики и старухи, которые едва волочили ноги, урядники, не говоря уже об офицерах. В день расстреливали по 60–80 человек... Во главе продотдела стоял некто Голдин, его взгляд на казаков был такой: надо всех казаков вырезать! И заселить Донскую область пришлым элементом...»

Одновременно развернута была кампания обоснования террора в большевизской печати. Например, в феврале 1919 г. газета «Известия Наркомвоена» (выходившая фактически под прямой редакцией Троцкого) писала: «У казачества нет заслуг перед русским народом и государством. У казачества есть заслуги лишь перед темными силами русизма... По своей боевой подготовке казачество не отличалось способностями к полезным боевым действиям. Особенно рельефно бросается в глаза дикий вид казака, его отсталость от приличной внешности культурного человека западной полосы. При исследовании психологической стороны этой массы приходится заметить сходство между психологией казачества и психологией некоторых представителей зоологического мира...».

Вспоминая события тех лет, М. Шолохов пишет (письмо Горькому от 6 июня 1931 г.): «Я нарисовал суровую действительность, предшествующую восстанию; причем сознательно упустил такие факты... как бессудный

расстрел в Мизгулинской станице 62 казаков-стариков или расстрелы в станицах Казанской и Шумилинской, где количество расстрелянных казаков (б. выборные хуторские атаманы, георгиевские кавалеры, вахмистры, почетные станичные судьи, попечители школ и проч. буржуазия и контрреволюция хуторского масштаба) в течение 6 дней достигло солидной цифры – 400 с лишним человек...»

Активное истребление шло до 1924 года, после чего наступило некоторое затишье. Конечно, аресты продолжались, приутихла лишь волна бессудных расправ. Советская власть, изображая «гражданский мир», добивалась возвращения эмигрантов (дабы окончательно ликвидировать угрозу с их стороны). Первое время «возвращенцев» не трогали...

К 1926 году на Дону оставалось не более 45% прежнего казачьего населения, в других войсках – до 25%, а в Уральском войске – лишь 10% (оно чуть ли не целиком снялось с места, пытаясь уйти от безбожной власти). Было уничтожено и выброшено из страны много казаков старше 50 лет – хранителей традиций.

Кстати говоря: заканчивая разговор о первом этапе массового расказачивания, считаю необходимым особо подчеркнуть роль в его организации Ленина. В последние десятилетия советской власти для многих даже самых записных диссидентов общим местом было, подчеркивая репрессивную антинародную сущность сталинского режима, кивать на «доброе» Ильича. Действительно, довольно ранняя смерть Ленина оставила возможность неких предположений, будто при нем бы все было совсем иначе. Тем более, что огромное количество документов, вышедших за его подписью, с категорическими «расстрелять», «беспощадно и повсеместно», было надежно упрятано в архивах.

Сегодня мы знаем – изуверская директива Оргбюро вовсе не готовилась в тайне от «вождя мирового пролетариата», без его ведома. Ленин не только знал о происходящем, но и лично участвовал в выработке политики большевицких властей по отношению к казакам. Достаточно вспомнить ленинскую телеграмму Фрунзе по поводу «поголовного истребления казаков»!

Еще свидетельство – письмо Дзержинского Ленину от 19 декабря 1919 г., в котором указывается, что на тот момент в плену у большевиков содержалось около миллиона казаков: «В районе Новочеркасска удерживается в плену более 200 тысяч казаков войска Донского и Кубанского. В городах Шахты и Каменске – более 500 тысяч казаков. Всего в плену около миллиона человек. Прошу санкции». На письме резолюция Ленина: «Расстрелять всех до одного, 30 декабря 1919 года».

На Кавказ Ленин периодически отправлял телеграммы – «Перережем всех». Слава Богу, что у Советов просто физически сил не было, чтобы осуществить в те годы все людоедские директивы «человечного» Ильича!..

Это лишь фрагменты одной из работ, написанных Георгием Кокунько. Но, я думаю, и этих нескольких страниц достаточно, чтобы представить себе суть политики партии и государства по отношению к казачеству. Казачество, соответственно, сопротивлялось, как могло. Сначала активно, потом другими, иногда прямо противоположными способами, вроде тех, которые Сталин в письме Шолохову окрестил «итальянкой», а в советской пропаганде назы-

вались саботажем. Но власть на то и власть, чтобы применять силу, ему подвластную. «Некоторое затишье» рано или поздно должно было перейти в другую фазу: полного перемирия либо новой войны. Переломным стал 1932 год.

Ивану Ивановичу Синянскому, пережившему голодомор, в 32-м было 7 лет. Он лишь на два года младше моей мамы и, скорее всего, учился с ней в одной школе. Так же, как она, ушел на фронт, и даже участвовал в штурме Берлина, а затем многие годы работал учителем истории, не забывая при этом и об истории родной станицы. В 2004 году, к 210-й годовщине Староцербиновской, в Ейске вышла его историческая повесть «Станица моя родная».

Станица моя родная

Из книги Ивана Синянского

В 1932 году Староцербиновка входила в Ейский район. Выходила газета «Колхозный шлях». Из публикаций этой газеты мы узнаем о событиях тех лет. В 1932 году посевная затянулась до самого мая. Хлеб вышел, нечем было план хлебозаготовок выполнять.

Рассказывает бывший механизатор колхоза Прищепа Степан Федотович: «В этом году мы зерна намолотили меньше предыдущего, боялись, что в зиму останемся без хлеба. Часть зерна при уборке уносили по домам, контроль был слабый. План заготовки хлеба был высокий, его выполнить было невозможно. Кубань в этом году сдала хлеба в четыре раза меньше, его экспорт не прекращался. Из района прислали уполномоченных и под их контролем хлеб из колхозных амбаров забирали подчистую».

Загнанные насильно в колхоз, крестьяне трудились без инициативы, не берегли колхозное имущество.

7 августа 1932 года вышел Указ ВЦИК и постановление СНК о применении чрезвычайно суровых мер к расхитителям колхозного добра. В качестве судебной репрессии могла применяться высшая мера наказания.

В ноябре 1932 года на Северный Кавказ срочно прибыла правительственная комиссия во главе с секретарем ЦК Л. Кагановичем. С ним прибыли начальник ОГПУ Г. Ягода, начальник политуправления Гамарник, Микоян, Шкирятов, Юрьев. Под нажимом Северо-Кавказский крайком ВКП(б) принял решение по наведению порядка хлебозаготовок.

При активном выколачивании Староцербиновка выполнила план хлебозаготовки на 52%, Новоцербиновка – на 87%, Шабельское – на 44%. Такое же положение было и в Ей-Укреплении. План выполнили только Александровка и Камышеватская. В целом Ейский район план выполнил на 50%. В колхозах зерна больше не осталось. Разговоров о том, чтобы выдать колхозникам на пропитание, никто не вел. В газетах стали появляться статьи о саботаже. В станицы начали вводить войска и при них создавать комсоды (комитеты содействия).

Начали выпускать бюллетень по Староцербиновской. В нем призывали сломить саботаж хлебозаготовки, организованный кулачеством.

Бюллетени воссоздают картину не только планомерного уничтожения людей, но и гибели нравственности, элементарной порядочности и человече-

ности, рождения ложного патриотизма и преданности новой власти, обычных уголовных преступлений.

В бюллетенях писали и такое: «Я честно сознаю свою ошибку. Со мной хлеб воровали бригадир Прилипской, Волков Лука, Кимлач Филипп, Квач Лука, Тимченко Иван, Трегуб Максим, Прозоря Федор, Детина, Черный, Дей, Рудь, Кочегура» – пишет в газете И.И. Середа.

В постановлении Ейского райкома ВКП(б) от 8 января 1933 года говорится: «Злостные неплательщики хлеба будут лишены приусадебных земель и высланы из своих домов».

Началось вымирание жителей станицы. Умиряли целые семьи. В архивах ЗАГСа того времени значится: 25 февраля умерло 30 человек, 3 марта – 45. Регистрировали смерть далеко не всех. Причина смерти – истощение, от желудка, от нарушения обмена веществ. По сводкам в крае умерло в апреле 52 500, в мае – 60 000.

Доктор Кукуш И.С., свидетельствующий смерть, записал: «В живых в Староцербиновской осталось не более 10%». Казачья станица опустела. Для устрашения населения бюллетень писал: «Кубанский чернозем – настоящим колхозникам. На земли выселенной кулацкой сволочи и участников саботажа в станицу Полтавскую уже прибыли 1183 колхозника, выполнившие свои обязательства, с Урала, с Московской и Центрально-Черноземной областей, где плохие и неудобные земли».

На митинге в станице Полтавской Л. Каганович говорил: «Казачество как рудимент человеческого общества не имеет ни физического, ни исторического, ни политического и даже религиозного права проживать на этой прекрасной земле». Начались повальные аресты и высылки «саботажников». В Староцербиновской давали буханку хлеба тому, кто укажет на саботажника. В ход шла 58 статья.

К разгрому казачества были привлечены красноармейцы родом из центральных областей, латышские стрелки, два батальона китайских добровольцев, так называемые интернационалисты. Красноармейцы и комсодовцы разворачивали печи, скирды соломы, камышовые крыши. А на дворе был январь-февраль. Какие-то килограммы хлеба находили, отбирая у обреченных последнее.

В бюллетенях сообщается: «Паразиты гноят и укрывают ворованный хлеб. В колхозе № 4 в яме заброшенного сарая найдено 80 кг кукурузы, спрятанной якобы для посева. Председатель Жабский и бухгалтер Подоляно преданы суду, их приговорили к расстрелу». «У единоличника Слипченко Ивана в сарае комсод обнаружил один центнер краденой кукурузы. Кадушку с краденой пшеницей (60 кг) нашли у колхозника Ярмиш Федора».

Имущество колхоза, не выполнившего хлебозаготовок, продавали на торгах. Для поиска хлеба в станицы присланы преподаватели ростовского финансового института Куксин и Поваринов. Пришли они не по своей воле и как могли, сопротивлялись, не хотели быть причастными к творимому произволу. Не хотели отбирать у умирающих последние крохи хлеба. Куксин заявил: «Надо быть последним идиотом, чтобы верить в то, что Староцербиновская выполнит план хлебозаготовки». Куксина исключили из партии, как кулацкого агента.

Люди падали на улице, оставались неделями мертвые в постелях. А запущенная машина пыталась выполнить план. В школах хоть и не топились, занятия продолжались.

Рассказывает В.А. Мищенко: «Я ходил в первый класс, учительница давала нам по ложке семян сурепки. Я сидел с Борей Чередник за одной партой. Получив последнюю порцию семян, Боря лег на парту. Я думал, что он уснул. Вижу у него изо рта слюнка потекла. Он умер».

Очевидец голода Розлач Евдокия рассказывает: «Я работала в колхозной бригаде, нас кое-как кормили затиркой и кукурузным хлебом. Мой ребенок умер в детских яслях от голода. Последние ее слова: “Дайте папы, папы (хлеба) хочу”. Вскоре от истощения умер муж. Мы с сестрой положили его на лесенку и отнесли на кладбище. Красноармейцы вырыли траншеи для мертвых. На санях и подводах привозили мертвых и сбрасывали в ямы. На дне ямы мы увидели еще живого юношу. Его сбросили как мертвого. Юноша смотрел вверх из ямы, но помощи не просил, утратил способность сопротивляться смерти. Заглатывая воздух, парень часто дышал, жизнь медленно покидала его. Над умершими никто не ронял слез и не скорбел. На братских могилах не ставили памятники и кресты».

«Вспомни, Господи, что над нами свершилось. Посмотри и презри за поругание над нами». (Плач Иеремии).

Н.А. Сарана рассказывала, что ее тройка вызывала в 3 часа ночи и спрашивала: «Где хлеб зарыт?». А то, что ноги стали в 3 раза толще, не обращали внимания. Как над нами глумились, а сами комсодовцы были сыты и частенько под хмельком!»

П.А. Степаненко закрыли в холодном доме и держали целую неделю, а дома были пятеро детей голодных.

Бюллетень пишет: «Четвертый раз у кулачки Белой находят спрятанный хлеб. 8 января нашли кукурузу и ячмень. 11 февраля нашли кукурузу, 100 кг проса».

Как находили подозрительных? Если в доме никто не умер и не опух, значит, чем-то питается. Страдали не только люди, но и животные. Лошадям выдавали дерть, их хотели сохранить для посевной. Дерть поедали конюхи, а лошади дохли.

Бюллетень пишет: «Враги колхоза истребляют конское поголовье. Выведены из строя 48% лошадей». О спасении лошадей написано много, а о людях ни строчки. Приближается весна. Надо сеять, а где брать зерно? Начинается новая кампания. Раз есть живые, нужно идти по домам. Кто-то додумался проверять отхожие места. Какое говно? Люди, исправив нужду, тут же предавали земле.

М.Е. Евко рассказывала: «Как начиналась весна, я выходила в поле с коровой. За работу давали килограмм муки, на корову – тоже пай». Пичко Степан тоже сохранил корову, но держал ее в доме, в зале. Под прикрытием поиска хлеба сытые комсодовцы забирала у раскулаченных одежду, утварь, присваивали себе.

Вивчарь Варвара рассказывает: «Ко мне в дом пришли активистки-комсомолки “красные косынки”. Хлеба не нашли. Я варила последнюю курицу, “косынки” курицу съели. Дети пришли из школы – есть нечего. Позже пришла “косынка”, просила прощения. “Нас тогда партия заставляла”».

Вещи могли обменивать на хлеб в коммуне ОГПУ, там голода не было.

Станица уже сама подняться не могла. Семенного фонда не было. Посыпался ряд постановлений крайкома об организации сева.

Бюллетень пишет: «Хорошо работает одна бригада женщин; засыпали колодцы, очистили дома от трупов, эти дома готовили для переселенцев из других районов». В безлюдные станицы переселили семьи красноармейцев. Они занимали лучшие дома в центре и около железнодорожного вокзала.

Переселенцы пользовались льготами, освобождались от налогов, их ставили на руководящие должности. Щербиновский район, как и Краснодарский край, становится «красным поясом».

В стране установилась жесткая коммунистическая диктатура, унесшая в могилы миллионы своих противников, а нередко и единомышленников. Виновики геноцида казаков успели тихо умереть, никто не понес наказание. Голодомор долгое время был «белым», а точнее «черным» пятном истории. Это самая мрачная страница. Из-за генетической ненависти к казачеству, диссидентского страха, долгое время о геноциде умалчивали. Угодливая печать делала вид, что не замечает этой страницы истории.

В марте 1937 года состоялся пленум ЦК ВКП(б). Он дал установку на очередные репрессии. Органы НКВД получили задание в каждом районе найти по 10 человек наиболее опасных элементов для Советской власти. Разрешалось применять пытки. Сталин и его окружение хотели запугать народ, держать его в страхе, послушании и повинении. Снова создаются «тройки». В Щербиновском районе быстро нашли таких 10 человек, арестовали и бросили в подвал.

Рассказывает осужденный Демиденко Александр Иванович: «Меня каждую ночь водили на допрос, ставили около сильно натопленной печки и держали всю ночь, требовали, чтобы я во всем признался. Пот лился ручьями. Обвиняли в том, что я связан с иностранной разведкой, состою в повстанческом движении и собираюсь на Кубани совершить переворот. Заставляли подписать протокол обвинения. Я не выдержал издевательств, потерял сознание и упал на пол. Следователь вложил ручку в мою руку и потребовал протокол подписать. Меня осудили на 10 лет строгого режима».

Пичко Нестор Иванович тоже обвинялся по такой статье. В «тройку» входили начальник НКВД, райвоенком, секретарь райкома партии. Верили ли судьи в такое обвинение? Суд был закрытый, без защиты. Подобного произвола не знает мировая судебная практика. Из 10 осужденных выжили только Пичко и Демиденко, остальные 8 осужденных погибли в тюрьме.

В крае были репрессированы каждый десятый рабочий, каждый пятый колхозник, каждый второй единоличник, 118 военнослужащих, 650 служителей религиозного культа...

Картина страшная. Но не перевелись еще люди, которые скажут, что все это были перегибы на местах, а в Кремле, мол, не того хотели и не знали всей правды, всего того, что творили злодеи – исполнители воли вождя на местах. Удивительно, что и теперь, когда уже, кажется, в главном все точки над «и» расставлены, такие люди находятся, и не только где-то там, на родине Сталина, а и у нас, в России. Зато ведь мы создали мощную державу и выиграли

войну. Как будто без ЦК РКП (б), с другой властью, нельзя было бы создать мощной державы. А уж про войну, выигранную более числом, чем умением, и говорить нечего. Так вот: для тех, кто любит приводить в доказательство примеры отдельных перегибов, о которых «якобы» не знали в Кремле, в архивах тоже есть немало весомых контраргументов.

Информация Секретно-политического отдела ОГПУ о голоде в районах Северо-Кавказского края

7 марта 1933 г. Совершенно секретно

Тов. Менжинскому, Ягоде, Прокофьеву, Агранову

В отдельных населенных пунктах целого ряда районов СКК отмечается обострение продзатруднений.

Факты продзатруднений в районах: Курганском, Армавирском, Ново-Александровском, Лабинском, Невинномысском, Моздокском, Ессентукском, Крымском, Анапском, Ейском, Старо-Минском, Кущевском, Тихорецком, Медвеженском, Ново-Покровском, Каневском, Краснодарском, Павловском, Кореновском, Майкопском, Вешенском, Калмыцком, Константиновском и Тимошевском.

По далеко неполным данным в этих районах учтено:

Опухших от голода – 1742 чел.

Заболевших от голода - 898

Умерших от голода - 740

Случаев людоедства и трупоедства - 10

В голодающих населенных пунктах имеют место случаи употребления в пищу различных суррогатов: мясо павших животных (в том числе сапных лошадей), убитых кошек, собак, крыс и т.п.

Курганский район. Наблюдается массовый выход в поле населения с лопатами, топорами для копки мерзлого картофеля и бурака. На одном из участков поля станицы Курганной обнаружено до 3 тыс. чел. мужчин, женщин и детей, собиравших оставшиеся необработанными овощи. В станице появилась вспышка брюшного тифа.

Ново-Александровский район. Ст. Воздвиженская. Единоличница Щеглова, имея двух детей, питалась мясом собак. Обследованием квартиры найдены две собачьи головы, приготовленные для изготовления холодца.

Ейский район. Ст. Ново-Щербинская. Колхозница Голяд, имеющая до 500 трудодней, питается древесными опилками. Единоличник Довженко питается собачьим мясом и крысами, семья его в 6 чел. (жена и дети) умерли от голода.

Ново-Покровский район. Ст. Калнеболотская. Население в массовых размерах употребляет в пищу мясо кошек, собак и крыс. За последние две недели учтено около 100 смертных случаев.

Лабинский район. Ст. Родниковская. 20 февраля заместитель начальника ПО МТС ночью обнаружил толпу в 30 чел., которые откапывали убитую сапную лошадь, намереваясь разобрать ее мясо.

9

А.С./Б/ Совершенно-секретно

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

По С.К.К. 149

По данным на 21-е марта 1933 г.

В станице Ново-Щербиновской, Ейского района, выявлены факты группового людоедства, сопровождавшегося умышленным убийством малолетних членов семьи и детей-беспризорных.

13/III выявлена и арестована группа в составе:

- 1/ III - 25 лет, она и муж исключены из колхоза за лодыричество и воровство. Муж умер от голода.
- 2/ С - 22-х лет.
- 3/ С - его жена, оба в колхозе работали мало, продовольствия не получали.

Эта группа зарезала и употребила в пищу 4-х детей:

1. С - 13-ти лет, отец и мать его осуждены за воровство и спекуляцию.
2. С - 14-ти лет / Мать их обесчала, бро-
3. С - 3-х л. / сив детей. Отец в 1932 г. из "ят за к-р.
4. Г - 13 лет, сын колхозника, ученик школы.

Ранее этого III зарезала и съела двух своих детей.

14/III выявлена семья, систематически занимавшаяся людоедством в составе:

- И - 65 лет, колхозница.
- И - 39 лет, ее дочь колхозница
- И - 20 лет " " слух. курсов тр-тов.
- И - 16 лет их родственница-ученица ШКМ, отец из "ят за к-р.

Эта группа зарезала и употребила в пищу 3-х детей, в том числе одиннадцатилетнего сына И. и беспризорного Л., родители которого умерли от истощения.

Установлено, что И. получила из колхоза 15 кило муки, которой питалась только сама. Посещая курсы трактористов - она получала питание наравне с рабочими. По внешнему виду выглядит вполне здоровой

10

- 2 - 150

и упитанной.

И - ученица ШКМ также питалась удовлетворительно. По внешнему виду здорова.

Цитание человеческим мясом они обе об"являют создавшейся в семье обстановкой людоедства.

14/III выявлены колхозники: С, его жена и старшая дочь, которые убили двух своих малолетних детей и питались их трупами.

По инициативе Политотдела МТС в станице создана бригада, которая приступила к выявлению беспризорных детей, оставшихся от умерших родителей и детей голодающих колхозников. Дети помещаются в интернат, где им оказывается медицинская помощь.

Выявлено несколько фактов, когда дети питались человеческим мясом и помещенные в интернаты, рассказывали о том, как их родители убивали и ели детей.

П.П. НАЧ.СЮ ОГУ /Г.МОЛЧАНОВ/
ПОМ.НАЧ.СЮ ОГУ /ЛИКОВ/

Верно:
7 АПР 1933
15857
ПОМ. СЕКРЕТАРЯ СЮ ОГУ /Ильин /СВЕТЛОВ/

Рассылается: т.т.

1. Менжинскому
2. Глода
3. Агранову
4. Прокофьеву
5. В деле

ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 42. Л. 149, 150. Заверенная копия.

Федеральное архивное агентство Архивное законодательство Федеральные архивы
 Региональные архивы Музеи и библиотеки Конференции и семинары Выставки
 Архивные справочники Базы данных Архивные проекты Издания и публикации
 Рассекречивание Запросы и Услуги Методические пособия Информатизация
 Дискуссии ВНИИДАД РОИА Архивное образование Ссылки
 Победа.1941-1945

Еще один летописец Щербиновской истории – журналист М.М. Вивчарь, стоявший у истоков возрождения казачества, многие годы занимавшийся историей своей семьи и своего района.

Геноцид

Из документального очерка Михаила Вивчаря

Историю нашей станицы еще предстоит кому-то написать. Возможно, будут тщательно исследованы и освещены и так называемые ее белые, вернее, черные, страницы. Таких черных страниц в ее истории было несколько. Время гражданской войны, начало коллективизации, оккупация. Но самой черной была и остается страница зимы 1932–1933 годов – страница геноцида, стоившая жизни почти всего населения станицы.

Можно услышать мнение, что голоду 1933 года предшествовал неурожай в 1932 году. Неурожай этого лета действительно факт. Но не из-за плохих погодных условий, а как результат сплошной коллективизации, а на Кубани ко всему этому голод был организован.

Организаторы небывалого в мировой истории геноцида – уничтожения населения казачьих областей – убивали два зайца сразу. Во-первых, вину за провал неразумной политики в сельском хозяйстве свалили на самих хлеборобов, во-вторых, была доведена до конца начатая еще в 1918 году политика расказачивания.

... В 1932 году ст. Старощербиновская еще входила в Ейский район Азово-Черноморской области. В то время в Ейске выходила районная газета «Колгоспный шлях». Газета печаталась на украинском языке, потому как население района в основном говорило на украинском кубанском диалекте. В ходе уничтожения коренного населения и заселения земель людьми из центральных областей России и Ставрополя, газета постепенно переходила на русский язык. В одном номере печатались материалы на двух языках. Не параллельный перевод, а просто одни материалы шли на украинском, другие – на русском языках. В середине 1933 года, когда аборигенов, потомков запорожских казаков, почти не осталось, газета стала выходить только на русском языке.

... Комсоды «орудовали» круглосуточно. В таком состоянии станица вступила в новый, 1933 год. Люди уже в это время начали умирать с голоду, но массовое вымирание было еще впереди. Когда началась кампания по изъятию разворованного хлеба, в Ейском районе работали выездные редакции газет «Колгоспный шлях» и «Молот», которые выпускали информационный бюллетень. Такие бюллетени выпускались по селу Екатериновке и станице Новощербиновской, как кандидатам на «черную доску», и по станице Старощербиновской после занесения ее на «черную доску». Разговор о Екатериновке и Новощербиновской надо вести отдельно. Эти населенные пункты перенесли трагический голод 1933 год подобно Старощербиновской, но материалов о них еще очень мало. Здесь же речь будет идти в основном только о Старощербиновской. Бюллетень по Старощербиновской призывал: «Сломить саботаж хлебосдачки, организованный кулачеством». Его первый номер от 3 января 1933 года опубликовал следующее постановление:

«О занесении Старощербиновской на «черную доску». Постановление президиума стансовета от 2 января 1933 года.

1. Одобрить решение краевых и районных руководящих органов – о занесении ст. Старо-Щербиновской на «черную доску» за упорный саботаж выполнения плана хлебозаготовок, организованный кулачеством и контрреволюционными элементами, а также за невыполнение других обязательств перед государством – планов мясоставок и платежей.

2. Поручить президиуму стансовета организовать специальную тройку по руководству оперативной работой по организации хлебосдачки и выявлению разворованного хлеба.

3. Вывезти из станицы, из лавок потребкооперации и других торгующих точек все имеющиеся товары, запретив всякого рода торговлю, как в магазинах, ларях, так и на базаре – до полного выполнения хлебозаготовок, мясоставок, платежей.

4. Предложить всем колхозам погасить всю задолженность, как по обязательным платежам, так и по ссудам. Президиуму стансовета проследить за выполнением.

5. Подтвердить решение прошлого пленума стансовета о снятии с обслуживания МТС за продолжающийся упорный саботаж хлебосдачки колхозов №№ 2, 3.

6. Ввиду того, что колхозы совершенно не справились с выполнением задания по повторному обмолоту и перевеванию, поручить МТС произвести повторный обмолот соломы, половы, сбоев, сдавая хлеб на выполнение плана за счет МТС.

7. Разбить станицу на 4 основных участка, организовав при них оперативные тройки для руководства работой парторганизации хлебосдачек.

8. Поручить милиции выставить вокруг станицы посты и без разрешения президиума Совета никого не выпускать за пределы станицы.

9. Предоставить право комсодам для выполнения планов хлебозаготовок привлекать всех граждан, а также штрафовать в случае невыполнения распоряжений и установить до 2-х недель принудительных работ с последующим утверждением президиумом стансовета.

10. Мобилизовать 250 наиболее преданных Советской власти и колхозу людей из числа членов коммунны имени ОГПУ и колхоза № 6 на оказание практической помощи другим колхозам и комсодам в выполнении ими планов.

11. Поручить президиуму Совета разбить всех членов Совета по участкам, дать каждому члену Совета определенное задание, организовать проверку каждого члена Совета по его фактическому участию в борьбе за хлеб, за выявление и изгнание всех кулацких хозяйств из колхозов и станиц».

Постановление предварял лозунг:

«Позор черной доски» может быть смыт только бешеным напряжением всех сил парторганизации, колхозного актива!

С этого момента начинается отсчет черных дней некогда богатой и большой казацкой станицы. После этих дней она больше не поднялась, в некоторой степени от той станицы, которая была до голода, осталось одно название. (Некоторые станицы Кубани и Дона лишились и этого.) Нынешняя станица – это уже совсем другая станица, с другими укладами, с другим населением, с другими обычаями.

С момента выхода приведенного выше постановления стансоветский актив начинает свирепствовать, свирепствует и устроенный им голод.

...20 января был назначен второй, последний срок для выполнения планового задания. После этого числа, как и после 10-го, снова грозили полным выселением. Бюллетень кричал:

«Сегодня последний срок выполнения годового задания!», «Староцербиновская на “черной доске”», «Староцербиновская требует выселения на Север!», «200 кило хлеба и 2500 рублей средств! Вот предательские итоги дневной работы комсодов станицы». «Отдельные коммунисты стали на путь сдачи позиций кулаку!».

В бюллетене за 20 января (№ 26) появилось такое сообщение: «Сегодня утром в 6 часов состоялась встреча активистов двух комсодов, бывшего пятого колхоза по проверке заключенного договора социалистического соревнования на лучшую работу по выявлению разворованного хлеба и мобилизации средств...».

Несомненно, в этом кощунственном, черном соревновании были и передовики, и отстающие, победители и побежденные. Не спали ночами – днем и ночью соревновались. Что такое шесть часов утра в январе – это еще глубокая ночь, а активисты комсода уже провели встречу.

...Наступила весна. Пошли решения и постановления краевого комитета ВКП(б), районных организаций об организации сева. О том, что случилось со станицей, узнать трудно, о том, что в это время уже были созданы бригады по вывозке из домов трупов, бюллетени не сообщают. Однажды только проскочила заметка, что хорошо поработала одна бригада женщин по засыпке колодцев и по приведению домов в порядок. Эти бригады готовят опустевшие дома для приема переселенцев из других районов страны.

Спустя немногим более 10 лет постановление Оргкомитета ЦК ВКП(б), подписанное Свердловым, было выполнено. Теперь условия уже позволяли направлять переселенцев на земли Кубани тысячами.

За работу по вывозу трупов из домов платили продуктами: 1 кг пшеничной муки, 2 кг кукурузной – за день работы. Так и зарабатывали оставшиеся в живых, так и дотянули до теплого времени.

Оставшиеся в живых старожилы рассказывают, что станица весной и летом 1933 года представляла собой страшное зрелище. Разрушенные дома, без крыш, с вытасненными лутками и рамами. Все, что горело, было сожжено в печах. Весна 1933 года выдалась дружной и теплой. Бурьяны дружно пошли в рост. Скоро дома потонули в них.

memoria

Веселые ребята

Случайно, или нет, но именно в самые жестокие годы сталинских репрессий в СССР снимались самые жизнерадостные советские кинокомедии.

В начале сентября 1933 года, в те дни, когда на Кубани ежедневно умирали от голода тысячи людей, в Гаграх, в 22 километрах от границы Абхазии с Краснодарским краем, режиссер Григорий Александров приступил к съемкам «Веселых ребят» – музыкальной комедии, ставшей классикой советского кино. Сегодня можно лишь гадать о том, какие настроения царили в съемочной группе. В Гаграх был разгар бархатного сезона (что и показано в фильме), и приехавшие сюда люди, на отдых или на работу, вряд ли знали о том, что на самом деле происходило рядом, в окруженных

военными кордонами кубанских станицах. В печати и по радио рассказывали только о вредителях, шпионах, и устроенных ими саботажах.

Однако и в стане киношников обстановка была далеко не безмятежной. В ночь с 12 на 13 октября, через месяц после начала съемок, «Веселых ребят» всколыхнул арест сценаристов Николая Эрдмана и Владимира Массы. Фильм доделывали без них, не оказалось их имен и в титрах картины, вышедшей на экраны в 1934 году. Дело Эрдмана и Массы вел следователь НКВД, бывший болгарский журналист, Николай Шиваров – большой специалист по «литературным делам». Именно он в 1934 году был следователем по первому делу Осипа Мандельштама, а еще в 1920-е годы вел досье на Максима Горького. Сам Шиваров был арестован чуть позже, в декабре 1937 года. Как «перебежчика-шпиона», его приговорили к 5 годам ИТЛ, а в 1940 году в лагере он покончил жизнь самоубийством.

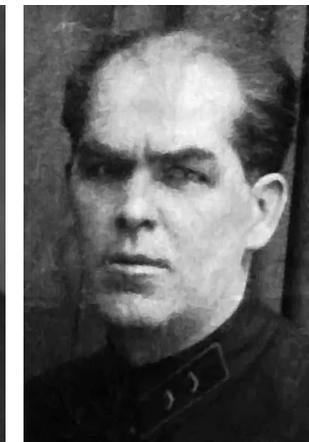
Свой третий фильм – «Волга-Волга», не менее смешной, чем «Веселые ребята», Александров снимал летом 1937 года, в самый разгар Большого террора. Одним из сценаристов фильма вновь стал, освобожденный из ссылки в 1936 году, Эрдман. Но арестовали на этот раз не его, а оператора Владимира Нильсена (он же снимал и «Веселых ребят», и вторую картину Александрова «Цирк»). Всё произошло, опять же,

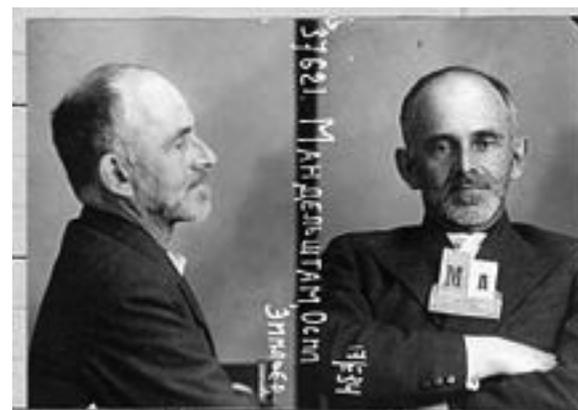
Николай Эрдман

Владимир Масс

Николай Шиваров

Тюремное фото Осипа Мандельштама. 17 мая 1934 года

Владимир Нильсен

на съемках: 8 октября 1937 года. Но времена изменились: там, где Эрдман и Масс отделились «легким испугом» (ссылкой), Нильсен поплатился жизнью. Он был обвинен в шпионаже и 20 января 1938 года расстрелян. Ему шел 32-й год, но за плечами этого молодого человека уже была биография, сама по себе достойная книги или сценария многосерийного фильма.

Летом 1949 года в колхозе-миллионере «Кавказ», в станции Курганной, по которой в 1932 и 1933 годах, как и по всей Кубани, прошел голодомор, Иван Пырьев снимал фильм «Кубанские казаки». Во главе хозяйства с 1946 года – местный казак, фронтовик Николай Григорьевич Табаков, поднявший колхоз с колен после нашествия немецких варваров. Время съемок – самый разгар послевоенных репрессий.

В 1947 году была развернута кампания против «низкопоклонства перед Западом». 12 января 1948 года под Минском убит председатель Еврейского антифашистского комитета актер и режиссер Соломон Михоэлс. В конце 1948 – начале 1949 года арестованы другие члены Комитета, их обвинили в буржуазном национализме и разработке планов создания еврейской республики в Крыму.

В феврале 1949 года в прессе была запущена кампания по борьбе с «космополитами», имевшая целенаправленный антисемитский характер. Сотни евреев из числа интеллигенции были арестованы в Москве и Ленинграде уже в первые месяцы 1949 года.

В августе 1949 года начинается Ленинградское дело, по которому были осуждены 214 человек, из них 69 основных обвиняемых (практически все партийные и советские руководители Ленинграда и области) и 145 – из числа близких и дальних родственников. 2 человека умерли в тюрьме до суда, 23 приговорены к высшей мере наказания...

Такая была жизнь – как в кино. И кино – не о реальной жизни, а о той, к которой в едином порыве должны стремиться советские граждане.

memoria

В декабре 2004 года в станции Старощербиновской на месте старого кладбища, где были захоронены жертвы голодомора 1932–1933 годов, состоялось открытие памятного знака. Идея и проект памятника принадлежат М.М. Вивчарю.

На постаменте из черного камня высечены надписи:

«Упокой, Господи, души невинно убиенных и замученных голодомором в 1932–1933 гг.»,

«Вспомни, Господи, что над ними совершилось. Призри и посмотри на поругание наше»,

«Упаси, Господи, нас от братоубийства всякого и спаси нас от беспамятства»,

«Прости нам, Господи, за убийство рабов твоих и братьев наших. Прости и помоги восстановить славу Твою!»

memoria

Восемнадцать тысячам замученных душ

В канун Нового года в станции Старощербиновской был торжественно открыт и освящен памятный знак жертвам голодомора 1932–33 годов.

Семьдесят два года назад 31 декабря было принято постановление Северо-Кавказского Крайкома ВКП(б) о занесении на черную доску станиц Старощербиновской Ейского района, Боковской Вешенского района и Платнировской Кореновского района за «безобразное отставание в выполнении плана хлебозаготовок».

По решению президиума сельского совета от 2 января 1933 года в Старощербиновской из станицы, из лавок потребкооперации и других торгующих точек были вывезены все имеющиеся товары, запрещена всякого рода торговля – до полного выполнения планов хлебозаготовок, мясopоставок, платежей. Милиции было поручено выставить вокруг станицы посты и без разрешения президиума совета никого не выпускать за пределы станицы.

Тогда в Старощербиновской было создано более десятка колхозов и МТС. Газеты тех лет писали, что посевные площади сильно увеличились, но озимые сеяли по непашаной стерне, а тысячи гектаров из-под пропашных культур остались пустовать. Весенний сев растянулся до самой уборочной. В результате такого хозяйствования зерновые в 1932 году дали чуть больше 2 центнеров с гектара. Притом, что год был и в целом тяжелый, неурожайный. Собранного, может быть, с трудом хватило, чтобы дотянуть до следующего урожая. Сдавать государству было нечего. В наказание за срыв хлебозаготовок колхозам предписывалось вернуть не только недостающий хлеб, но и все ссуды, полученные с отсрочкой возврата на несколько лет.

План государственных поставок пытались выполнить за счет запасов населения. Для поиска «украденного» хлеба были созданы специальные тройки и комитеты содействия (номсоды) из наиболее преданных советской власти и колхозу людей.

Но, даже обчистив по нескольку раз хаты, огороды и подворья, повторно обмолотив солому и уморив голодом почти все население станицы, удалось выполнить чуть больше половины назначенных поставок хлеба.

Когда начал таять снег, оставшиеся в домах и на улицах трупы, не считая, свезли в три ямы на старом кладбище и закопали, без креста и прощания. А в семидесятые годы на этом месте стали строить жилые дома. При рытье котлованов человеческие черепа и кости выкапывались во множестве.

Еще в начале девяностых годов возродившееся станичное казачье общество посчитало необходимым увековечить память своих земляков. До голодомора в станице проживало 22,5 тысячи жителей, после – едва набралось две с половиной.

За минусом тех, кому все же удалось вырваться за кордоны оцепления, число погибших составляет около 18 тысяч человек.

Именно такая цифра значится на черной гранитной плите у подножия креста, поднявшегося на месте старого кладбища. Идея памятника принадлежит Михаилу Матвеевичу Вивчарю, коренному староцербиновцу, журналисту, который собирал материалы о голодоморе, написал о нем документальный очерк, опубликованный в районной газете «Щербиновский курьер». Средства собирали по крохам станичники, предприниматели, предприятия – кто сколько смог. Сам М.М. Вивчарь до этого дня не дожид, но его имя, как автора проекта, высечено на памятнике. И право открыть монумент было предоставлено в числе других казаков его сыну Алексею. На церемонию открытия и освящения креста собрались старики, их дети, внуки.

Ивану Задорожному в тридцать третьем году было пять лет. Его двухлетний брат Вася и шестилетняя сестра Вера умерли от голода той зимой,

– Я и сам уже лежал и не балакал, когда нас с той черной доски сняли. Мама вывезла меня в Ахтари к бабушке, там немного отошел. Отец у нас был трактористом, их кормили на работе, но охрана стояла, как на приисках, ни крошки с собой было не вынести.

Иван Андреевич – один из многих станичников, вложивших деньги в строительство креста. Он был слишком мал тогда, чтобы что-то понимать, но навсегда запомнил раскученную печку и перерытые земляные поля в саманной хате...

Открывая памятник, участники церемонии – глава района Виктор Филонов, атаман Кубанского казачьего войска Владимир Громов, атаман Щербиновского районного казачьего общества Вячеслав Олейник и другие, – говорили о долге памяти и страшном опыте поколения, пытавшегося строить рай на земле без Бога. Теперь черный крест на постаменте из белого мрамора будет служить местом поминовения и предупреждением потомкам, чтобы подобная трагедия никогда не повторилась.

С. Александрова
«Щербиновский курьер», январь 2005 г.

Опустевшей, полуразрушенной, заросшей бурьяном, такой, как описывает ее Михаил Вивчарь, увидели Староцербиновскую в 1934 году демобилизованный красноармеец Николай Фирсов, а вслед за ним – его отец Герасим Гурьянович и сестры Ксения, Зинаида и Александра. Но немало было и крепких домов, в которых, казалось, еще жили тени давешних хозяев. Свои впечатления бабушка выразила через много лет в нескольких фразах. Приведу их еще раз:

«...Дали большой дом, была большая печь – стояла в столовой. Она мешала, решили убрать, а под печью открылся ход, под ним – тонны зерна. Хозяин бывший: умерла вся семья, сам съел свои сапоги, и умер. Зерно было, а есть не могли: каждый день приходили проверять комсоды.

Мы приехали, когда уже саботаж кончился. Потом, при немцах, всех, кто участвовал в комсодах, отправили на тот свет».

Взгляд как бы со стороны, констатация фактов, без партийно-комсомольских оценок. Был саботаж, был голод, люди умирали, комсоды работали. Но, выходит, несмотря на межкомсоводское социалистическое соревнование, недорабатывали. «Хозяин бывший» все же утаил тонны зерна. И жалость к хозяину и его семье, хоть они, надо полагать, кулаки-кровопийцы, тоже присутствует. А эта история – про съеденные сапоги? Ведь она не с потолка, ее кто-то рассказал, кто-то из оставшихся в живых. Пусть это прозвучит, как штамп, но: трагедия шекспировского масштаба. Хотя, Шекспиру такой сюжет, под названием «Голодомор», и в страшном бы сне не приснился. Вместе с эпизодом – «при немцах».

Документов, подтверждающих бабушкины слова о комсодах, отправленных при немцах на тот свет, почти не сохранилось. Но – раз сказано «почти», значит, что-то есть. Сотрудники Щербиновского архива и районного музея (директор Елена Владимировна Жаркова) разыскивали материалы, связанные с судьбой одной из комсоводок. (Написание фамилии Сеньюкова – Синюкова в документах разное, но нет сомнения, что речь идет об одном и том же человеке.)

«Сеньюкова Елена Яковлевна.

... Староцербиновской. Иногородняя беднячка, батрачка. В 1920 году с приходом на Кубань советской власти Елена Яковлевна была избрана на станичном женском собрании жен-делегаткой.

т. Сеньюкова несмотря на свою безграмотность хорошо понимала в то время свои задачи поставленные перед ней партией, а именно она активно принимала участие в сборе посевного материала для бедноты.

Принимала участие в мобилизации средств для содержания детского дома. Сбирала тёплые вещи для дет.дома и Красной Армии.

Одним словом как умела помогла крепить Советскую власть.

Елена Яковлевна была непримирима к несправедливости и она Никогда не признавала никаких авторитетов кроме справедливости. Она была настоящим борцом за великую правду Ленина.

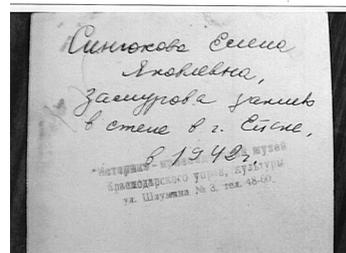
В 1942 году Елену Яковлевну Сенюкову зверски замучили фашистские палачи в г. Ейске.

Елена Яковлевна была членом Великой Ленинской партии. Чистоту идей нашей партии т. Сенюкова оберегала как зеницу своего глаза. Память о верной дочери непомеркнет вовек.

писала А.В. Шулико.

Март 1960 год».

Сенюкова Елена Яковлевна
и Старошербиновской. Молодая была в 1920 году
района. В 1920 году с приходом на Кубань советской
власти. Елена Яковлевна была избрана на станичный
исполком собрания старожилых казаков.
и Сенюкова вела работу на своем безраздельности хорошо
направляла свои дела. Свои задачи выполняла верно и
настойчиво. Она активно принимала участие
в работе станичного самоуправления.
Принимала участие в мобилизации средств для
содержания станичного воина. Собирала шитье и вещи
для солдат и Красной Армии.
Одним словом как душа полагала критично
советскому властью.
Елена Яковлевна была секретарем и делопроизводителем
комсомольской организации станицы. Она была
активной борющейся за интересы станицы.
В 1942 году Елену Яковлевну Сенюкову зверски
замучили фашистские палачи в г. Ейске.
Елена Яковлевна была членом партии Ленинской
партии. Чистоту идей нашей партии и Сенюкова
оберегала как зеницу своего глаза. Память о верной
дочери непомеркнет вовек.
Илья Шулико Март 1960 год.

Жительница станицы Старошербиновской Елена Яковлевна Синюкова, бывшая комсодовка, в 1942 году была заживо замурована немцами в стену здания в городе Ейске. Возможно, это был дом купца И.Е. Агабабова, в котором в те месяцы располагалось гестапо.

Оба документа – фотография и «характеристика», уже сами по себе являющиеся красноречивыми свидетельствами ушедших времен, тем не менее, оставляют много вопросов. И кое-что, вместе со щербиновцами, нам удалось прояснить. Вот первая подробность: «Обратите внимание, Григорий Аркадьевич, что на фото Сенюкова в красной (предположительно) косынке. У нас в станице старики до сих пор комсодовок называют «краснокосыновки»».

К фотографии я еще вернусь, а пока – о «характеристике». Задаю вопрос: «Перечитываю „характеристику“ Сенюковой и прихожу к мысли, что это совсем другой жанр. А не может ли это, например, быть черновиком подписи под ее фотографией, висевшей в музее?». Оказалось – нет. «У наших первых комсомольцев в 1960-е была встреча. Вероятно, в связи с этим и писались „восхваления“».

Возникает следующий вопрос: кем писались эти «восхваления»? Известен ли человек, скрывающийся под фамилией Шулико? В ожидании ответа от щербиновских архивистов решил поискать следы этой фамилии в старых переписях, для чего заглянул в книгу Владимира Ткаченко-Гильдебрандта и Владимира Шкуро «История одного куреня. Из казачьего прошлого станицы Старошербиновской Ейского отдела Кубанской области (1756–1918)». И вот они, следы в переписях населения, указывающие, что люди с этой фамилией жили в станице еще в начале XIX века:

ПЕРЕПИСЬ старшинам и козакам и их семействам, состоящим в курене Щербиновском (1801 год)

Холостые казаки:

- 165. Яков Иванов сын Шулико 40 лет
- 225. Иван Иванов сын Шулико 38 лет.

РЕВИЗСКАЯ ПЕРЕПИСЬ 1811 года декабря дня жительствующим в местечке Щербиновском старожилым казакам, их женам и детям, с показанием обоого пола лет

- 286. Иван Иванов сын Шулика (?) 60 лет
- жена его Матрона Омельянова дочь 45 лет
- дети их: Григорий 3 года
- Алексей 1 год.

А вот что написали из Щербиновки. О А.В. Шулико известно, что она была секретарем комсомольской организации станицы в 1920 году, то есть – одной из первых комсомолок. Хранится подписанный ею документ в районном музее, где он проходит по тематике «Комсомол». Даты 1920 и 1960 говорят о том, что, скорее всего, Шулико всю жизнь прожила в станице и была примерно (как и Сенюкова) ровесницей моей бабушки. И как знать, может быть, обе они, и Шулико, и Сенюкова, были каким-то образом с бабушкой знакомы. Но это, опять же, из области домыслов, такой ход подошел бы для многосерийного сценария, но не для повествования, основанного на документах.

Вернусь к фотографии. В Щербиновский музей она попала, судя по штампу на подписи под снимком, из областного историко-краеведческого музея, причем, судя по 4-значному номеру городского телефона, в первые послевоенные времена, когда еще свежи были в памяти зверства фашистов в кубанских городах и станицах.

Из книги Г. Климентьева «С любовью о Ейске»:

«Мрачную славу заслужил этот красивый дом в годы Великой Отечественной войны... Над входом в здание висела вывеска: "Зондеркоманда СС10А"... У входа в здание дежурили два местных подонка, одетых в форму оккупантов. По свидетельским показаниям обслуживающего персонала этого кошмарного заведения, фашисты каждый день пытали там советских людей. После освобождения города во дворе обнаружили колодец, из которого вытащили обезображенное страшными пытками тело директора ейского пивзавода Арутюнова. Очень долго среди ейчан ходил слух, будто в этом здании фашистами были замурованы несколько трупов растерзанных жертв. Документы, однако, об этом ничего не говорят».

Дом купца Ивана Моисеевича Агабабова в Ейске. Угол улиц Ленина и Краснодарской

Еще раз о доме Агабабова

(в сокращении)

...В годы временной оккупации Ейска в годы Великой Отечественной войны (август 1942 – февраль 1943 г.) в здании располагалось отделение зондеркоманды SS –10А (население называло ее гестапо). Зондеркоманды входили в города вслед за немецкими фронтовыми частями, проводили несколько молниеносных акций – регистрацию и расстрел всех евреев, цыган, членов семей советского и партийного актива; затем начиналась повседневная «служба смерти»: выявление и ликвидация коммунистов, комсомольцев, подпольщиков, партизан, уничтожение больных, престарелых и вообще «сведение численности населения до минимума». Одной из таких команд была и зондеркоманда СС 10-а, оставившая свой кровавый след в Крыму, в Мариуполе, в Таганроге, Ростове, Краснодаре, Ейске, Новороссийске, а затем в Белоруссии и в Польше.

Офицерами зондеркоманды были немецкие эсэсовцы, прошедшие особую подготовку в Германии и накопившие «опыт» в борьбе с немецкими антифа-

шистами. В качестве рядовых в команду входили изменники Родины, перебежчики и отщепенцы, специально завербованные на оккупированной территории или в лагерях для военнопленных. Вместе с немцами и под их руководством они принимали непосредственное участие в массовых казнях, в операциях против партизан, в облавах, арестах, а также несли конвойную и охранную службу. В здании был замучен директор Ейского пивоваренного завода Сурен Арутюнов, труп был обнаружен в колодце во дворе дома. Свидетельница Л.Т. Недосеева рассказывала, что Арутюнов умер от страшных пыток, и она слышала страшные крики Арутюнова, когда его пытали Л.Р. Бем, Майстер и др. Там же был замучен неизвестный партизан, который был захвачен в октябре 1942 г.

В городе в то время находился детский дом Крайсобеса, эвакуированный в начале войны из Симферополя. В нем жили дети, больные костным туберкулезом. 9 октября 1942 г. к корпусам детского дома по ул. Щербиновской, 56 подъехали две легковые и две грузовые крытые машины, в которых находились начальник гестапо СС №44-10 обер-лейтенант Бедедекер, немецкий комендант г. Ейска Кандлер, врач гестапо Штраух, немецкие офицеры и солдаты (15 человек). К корпусу, находящемуся по ул. Буденного, подъехала одна машина. После осмотра детей детдома Крайсобеса, немцы отстранили персонал, начали погрузку детей в машины. Когда дети и сотрудники детдома спрашивали: «Куда везете детей?», им отвечали: «в Краснодар», другие отвечали: «в баню». Так как за один день немцы не сумели вывезти всех детей, то утром 10 октября они довершили начатое дело. К 9 часам по улице Щербиновской подъехала еще одна крытая машина, на которую посадили еще 13 человек из 20 скрывшихся. Из корпуса на ул. Буденного забрали остальных детей, в том числе 32 лежачих больных. Всего было погружено 214 детей, из них: 102 девочки и 112 мальчиков. Детей вывезли за город. Машины остановились на землях Широцкого хутора, вблизи дороги, идущей от города Ейска, где при вскрытии обнаружены в яме 3 на 4 метра, глубиной 2 метра 214 трупов детей. При детских трупах были найдены книги, гребенки, открытки, платочки, фотоснимки и др. мелкие вещи. На основании судебно-медицинского осмотра трупов и свидетельских показаний установлено, что физических побоев, огнестрельных ранений, колотых ран не было, так как дети были увезены на герметически закрытых машинах при большой скорости, вследствие чего смерть наступила от асфиксии (удушения).

После освобождения города в феврале 1943 года, специальной комиссией по расследованию преступлений фашистских оккупантов было произведено вскрытие и исследование захоронения. На Краснодарском процессе 1963 года по делу палачей зондеркоманды СС-10-а, орудовавших в Ейске, в качестве главных организаторов зверств названы: Курт Тримборн, начальник ейского отделения зондеркоманды СС 10-а и сельскохозяйственный комендант Вильгельм Неббе. Палачи из зондеркоманды были приговорены к высшей мере наказания. По городу Ейску расстреляно и замучено во время фашистской оккупации 319 человек, из них: 69 женщин, 82 мужчин и 166 человек – дети в возрасте до 14 лет. В рабство, на работу в Германию угнано 335 человек, из них: мужчин 133 человека, женщин 202. Убито и замучено военнопленных – 2 человека. В парке Горького после освобождения Ейска были похоронены ейчане, замученные в годы оккупации: В.П. Казакова с дочерью, З.А. Одинцова, А.К. Дикая, С.А. Арутюнов, М. Гуртовая, В.П. Топоркова, А.П. Стешенко и др.

Сразу после освобождения города в феврале 1943 г. началось восстановление Ейского санатория, одно из подразделений которого разместилось в бывшем доме Агабабова. 25 апреля 1946 года санаторий вновь открыл свой 22 лечебный сезон. Весной 1950 года по инициативе главврача В.М. Воскресенского на базе санатория в описываемом здании открывается детское отделение для лечения детей с заболеваниями органов движения на 50 койко-мест, к 1960-м годам на 75 мест. Санаторий функционировал с 18 февраля по 25 декабря, в остальное время проводились ремонтно-профилактические работы. С 2006 г. здание передано МУ «Средняя общеобразовательная школа №2» для размещения начальной школы.

<http://yeiskgid.ru>

Вот так: рассказывал о комсодах и вдруг: война. Всё связала бабушкина фраза об отправленных на тот свет немцами комсодовцах.

Рассказ о Щербиновском районе при немцах – впереди, в следующей главе. А эту, для сравнения с воспоминаниями бабушки, закончу откровениями другого переселенца, опубликованными в книге Петра Макаренко «Смерть зовется 33-й год» (Краснодар, 2008):

«Село такое, как наш город, даже еще больше. Земли столь много, что и не охватишь и глазом, ровно, земля черная и никакого удобрения и навоза не требуется. Квартира хорошая, огород большой, очень хорошие сады. В избе у нас русская печь, топим дубовыми дровами.

В нашем доме было оставлено три стола, койка деревянная, комод для белья, шкафчик для посуды, хорошая собака, кошка, скамеек четыре штуки, не такие, как у нас, а лучше.

Нам рассказали, что кулаки разложили колхозы... Мы будем зорко глядеть, там еще кое-где в дырках засели кулаки, всех повытравили. Мы знаем колхозную работу. До Красной Армии тоже в колхозе были. Знаем поганую работу кулака. Нас не возьмешь просто, мы кое-чему научились еще и в Красной Армии...»

Вместе с кулаками повытравили казачество. Украинский кубанский говор вплетался в русскую речь переселенцев. Жизнь налаживалась.

На Украине говорят: «Бог не теля: усе бачить виттеля».

Бабушка, при случае, грозила нам с братом пальцем: «Бог не теля: видит и виттеля!». И добавляла, если наше поведение уже не вписывалось ни в какие рамки: «Да шоб вас рóзарвало!».